

М.И. СКАРЖИНСКИЙ КАК «ЗЕРКАЛО» ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПРОСТРАНСТВЕ РЫНОЧНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РЕВАНША

Субетто Александр Иванович

доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор. Смольный институт Российской академии образования, проректор, Ноосферная общественная академия наук, президент. Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ.

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: subal1937@yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ

Матвея Исааковича Скаржинского нет уже 5 лет с нами, но его облик, для тех, кто с ним общался, дискуссировал, обсуждал теоретические проблемы современной политэкономии, участвовал в заседаниях диссертационного совета, наблюдая его глубокие, иногда ироничные, замечания и вопросы, встает как живой, как будто он только на короткое время уехал за границу или в командировку. Жизнь любого крупного ученого, а М.И. Скаржинский таким, несомненно, являлся, не усыпана лепестками роз, она терниста, в ней множество «критических моментов», иногда известных только самому ученому.

М.И. Скаржинский – глава костромской экономической научной школы, школы своеобразной, в которой переплелись плодотворные прорывные теоретические идеи в области марксистской парадигмы «трудовой онтологии» [4, с. 22] экономической науки, связанной с плановой социалистической экономикой, проблемой пропорционирования распределения массы общественного труда по отраслям народного хозяйства в соответствии с планами его развития, апологетикой общественной собственности, с идеями рыночной экономики, становления ее институциональной среды, апологетикой частной собственности.

Что стоит за этим, если не быть погруженным в историю нашей страны, которая называлась до 1992 года СССР, а после 1992 года Российской Федерацией, а только ограничиться углублением в логику развития самой экономической науки по ее внутренним основаниям? О чем свидетельствует эта резкая смена мировоззренческих и теоретических парадигм в самом политэкономическом или теоретико-экономическом дискурсе в творчестве М.И. Скаржинского?

Ответ мой таков: о трагедии отечественной экономической науки, которая, под воздействием рыночно-капиталистического реванша, в лице значительного множества видных советских политэкономов, не всех конечно, отвернулась от своих же собственных достижений и убеждений в области той советской марксистской теоретической парадигмы, которая называлась политэкономией социализма или политэкономией социалистической плановой экономики, и повернулась к теоретической догматике рыночной капиталистической экономики, представленной

англо-американской парадигмой «экономикса» или же институциональной парадигмой буржуазной политэкономии.

Вот почему все теоретическое наследие М.И. Скаржинского, представленное достаточно репрезентативно в его избранных трудах, изданных Костромским государственным университетом им. Н.А. Некрасова в 2005 году, еще при его жизни, может быть рассмотрено как «зеркало» того трагического теоретико-парадигмального перелома, который произошел и в официальном теоретическом базисе экономической науки под воздействием «рыночных реформ» 1991 – 1999 гг. Последние, по сути, были рыночно-капиталистической контрреволюцией по отношению к советскому, плано-социалистическому общественному строю, просуществовавшему в СССР более 70 лет.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М.И. СКАРЖИНСКОГО

Советский блок трудов М.И. Скаржинского составители «избранных трудов» [1] назвали символично «Из времени социалистического романтизма». Само название имеет своеобразную смысловую нагрузку, связанную со скрытым вопрошанием: что представляет собой советская социалистическая политэкономия, – серьезную, соответствующую теорию, адекватную развивающейся социалистической реальности, или же действительно – только социалистический «романтизм», т.е. нечто, что не соответствует столбовой дорожке экономической науки, что вступило в конфликт с законами экономической реальности и вынуждено было уйти в прошлое, как нечто экономически несостоявшееся, а вот то, что связано с рыночно-капиталистической реформацией, оказалось истинным?

Прежде чем ответить на это сложное по смыслу вопрошание, необходимо задуматься над категориями онтологической правды, т.е. правды исторического бытия, и онтологической лжи, т.е. лжи исторического бытия, которая может на какие-то «отрезки» времени исторического развития выходить на «поверхность» истории только затем, чтобы быть этой же историей оказаться «смытой» в небытие, как несоответствующей движению ее оснований, т.е. онтологической правде.

В.Г. Комаров, автор концепции онтологической правды как важнейшего основания социального разума, подчеркивал, анализируя диалектику взаимодействия «правды истории» и «лжи истории» [2, с. 144]:

«Не обладая универсализмом и всеобщностью правды истории, ее антипод – ложь истории – все-таки существует, но только как несамостоятельная, паразитарная форма бытия псевдоправды истории, выдающей себя, разумеется, за правду. В качестве социально-исторической констелляции навязчивых лжей разделенных иерархических обществ *онтическая/онтологическая ложь истории конституируется в основном из объективных материальных кажимостей, онтических/онтологических общественных миражей*, обладающих громадной энергией суггестии – способностью внушать себя индивидуальному и групповому сознанию, проникая в него независимо от когнитивных намерений и иных форм сознательного волеизъявления отдельных людей и их общностей. Будучи концентрацией объективных видимостей разделенных обществ, онтические/онтологические миражи черпают свои материальные и духовные энергии из онтической/онтологической правды жизни и правды истории, соответственно оскверняя чистоту и сокращая ресурсы этого живительного источника.

Псевдоправда (ложь) истории есть не более, чем объективная материальная кажимость, заимствующая чужую сущность – сущность правды истории. Когда правда в очередной раз достигает возобладания над неправдой, когда начинается генерализация правды истории, что происходит в периоды демократических подъемов революций, выглядящих катастрофами главным

образом в глазах господствующих «верхов», тогда ложь истории рассыпается в прах и раскрывается ничтожность ее внутренней определенности» (выдел. мною, С.А.).

И далее он замечает: «Между тем, несмотря на паразитическую несамостоятельность сущности исторической псевдоправды, она проявляется в трансисторических феноменах отчуждения труда и эксплуатации человека человеком, охватывающих все посткоммунистические общественные устройства (мое замечание: здесь В.Г. Комаров имеет в виду общественную формацию первобытно-общинного коммунизма, которая предшествовала эксплуататорским формациям, включая капиталистическую, С.А.). Сущность этой онтической/онтологической лжи заключается, впрочем, не столько в самих явлениях отчуждения труда и эксплуатации (хотя в качестве формы проявления сущности они несут на себе печать всего ее содержания), сколько в том, что оба социальных процесса осуществлялись в прошлом и реализуются в настоящее время как самоотчуждение и собственный выбор самих работников, да к тому же еще и в ситуации благодетельствования их «работодателями»... Однако эта онтическая псевдоправда обнаруживает себя как ложь истории только в сопоставлении с онтической/онтологической правдой жизни и правдой истории, на которых ложь паразитирует, чтобы иметь возможность казаться (но не быть) своей противоположностью. Поэтому всякое глубинное разоблачение лжи оборачивается обнаружением бытийной единственной онтической/онтологической правды жизни и правды истории. Таким образом, правда истории и правда жизни – едины и безраздельны. И хотя у них множество преград и врагов, все же нет им соразмерной и симметричной противоположности. Этим обусловлена и воплощена асимметрия в пользу правды, истины и жизни...» [2, с. 145] (выдел. мною, С.А.).

Истинная онтология человека – это трудовая онтология. Труд – истинный творец человеческого бытия. Причем имеется в виду труд в широком смысле слова – труд как творчество и созидание, труд как постоянное воспроизводящее себя воспроизводство жизни, человека. Подчеркну – труд, а не капитал, – и это есть правда истории. А взгляд на капитал, как некую самостоятельную силу воспроизводства, стоящую над трудом, на чем и базируется капитализм, есть та материальная кажимость, рождаемая отчуждением человека от самого себя, которая олицетворяется в онтологической лжи рыночно-капиталистической системы бытия, обреченной быть сметенной правдой истории или онтологической правдой, снимающей отчуждение труда и человека, и делающей человека истинным субъектом истории, т.е. хозяином своей исторической судьбы.

В Открытом письме ко всем ученым-экономистам России «Быть России в XXI веке или не быть?» в 2006 году автор писал:

«Труд остается главным двигателем развития экономики, в целом социального прогресса, он создатель капитала и всех богатств российского общества.»

Капиталократия, Социальная Капитал-Мегамашина и Капитал-Фетиш стремятся отбросить труд, выбросить его на свалку истории, как нечто ненужное. Идеальное состояние капитализма – если бы совсем не было рабочих, если бы не было совсем труда. Формируется фетишная «безтрудова» философия и идеология. Экономическая мысль пытается доказать, что богатство формирует капиталократия, так называемый «бизнес» или «предпринимательский класс». Делаются попытки убрать труд из экономической субстанции или рассматривать его в качестве одного из факторов экономического производства. Д. Кортен (США) на своем языке, де-факто, убедительно показывает, как современный капитал стремится дематериализоваться, т.е. освободиться от источника своего появления – труда, более того, вообще от человека...

Не потому ли современная экономическая мысль так хочет забыть трудовую теорию стоимости Маркса, что «кажимость» бытия капитала стремится избавиться на современном этапе

его развития от труда вообще? Стать таким «безтрудовым» капиталом?.. Но это фетишная, превращенная, буржуазная форма экономического бытия, его кажимость. А действительная форма его бытия есть трудовая онтология. И эта трудовая онтология – источник будущего прорыва человека к самому себе и к царству гармонии своего бытия с природой – к «ноосфере будущего» [4, с. 21-22].

Советская половина творчества М.И. Скаржинского, в моей оценке, есть развитие теоретической системы политэкономии социализма или, если быть более точным, политэкономии советского социалистического общества, как политэкономии, базирующейся на трудовой онтологии. Он подчеркивает: «Труд – неперемненное условие и источник жизни человеческого общества. В процессе коммунистического строительства труд становится не только средством для жизни, но постепенно и первой жизненной потребностью человека. Чем разностороннее общественное разделение труда, чем сложнее и многообразнее структура растущих материальных и культурных потребностей социалистического общества, тем все более важными становятся задачи планомерного рационального распределения всей массы общественного труда между различными сферами его приложения» [1, с. 7].

Особое место он отводит проблеме развития теории соотношений масс производительного и непроизводительного труда. Он подчеркивает, что по Марксу производительный труд – это труд, результатом которого является материальное благо, «потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы» [1, с. 8; 10, с. 192]. Количественный критерий производительного труда – это то, что он есть «продуктивный труд, воспроизводящий с избытком потребленную в его процессе стоимость» [1, с. 9]. Далее он показывает, следуя марксизму, что «при капитализме производительный труд – это капиталистически организованный труд», качественная сторона которого (т.е. его системно-социальное качество) состоит в том, что это есть «труд, обменивающийся непосредственно на капитал», и тем самым есть «труд, который противопоставляет самому рабочему в виде капитала созданные этим трудом стоимости» [11, с. 405].

Иными словами, сама капиталистическая форма производительного труда есть источник отчуждения человека труда от его труда, вернее от результатов его труда, тем самым неся в себе источник стремления капитала к безтрудовой форме своего возрастания, расцветшей пышным цветом в эпоху глобального империализма в форме чрезмерно «раздутого» фискального капитала («турбокапитализма» по Луттваку), функционирующего по формуле Д-Д` [7].

Социализм, отмечает М.И. Скаржинский, «изменяет само содержание труда как экономической категории», поскольку целью социализма становится не только «все более полное удовлетворение постоянно растущих материальных потребностей общества, но и все более полное удовлетворение его не менее быстро растущих культурных потребностей», исходя из цели «обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества» [1, с. 16; 12, с. 232].

В этом контексте социализм есть первый этап снятия капиталистического отчуждения труда, полное завершение которого связано с полным становлением коммунистического общества.

Особое значение в своей теории социалистического труда Скаржинский уделяет теории непроизводительного труда или труда в непроизводственной сфере, в том числе проблеме эффективности инженерного труда. Он восстает против вульгарной трактовки прогноза Маркса о превращении в будущем науки в непосредственную производительную силу, подчеркивая сложную диалектику этого исторического процесса, имеющего свою логику циклов, сменяющихся качественными скачками.

М.И. Скаржинский обращает внимание на определенную поэтапную дифференциацию превращения науки в непосредственную производительную силу, когда «можно и должно говорить о превращении в непосредственную производительную силу лишь тех отделов науки, которые непосредственно обслуживают производственные процессы и в которых труд исследователя выступает в качестве неотъемлемой части совокупного производительного труда, направленного на создание данных материальных потребительных стоимостей» [1, с. 27].

Он показывает *диалектическую связь (и диалектическое единство) роста производительной силы «труда, создающего материальные блага», благодаря чему увеличиваются размеры (масштаб) национального дохода общества, и процесса «расширения отраслей непроеизводственной сферы»* [1, с. 28]. При этом, если «в условиях капитализма» «уровень потребления масс, ставящий предел развитию производства, ограничен действием закона стоимости рабочей силы» [1, с. 32], то в социалистическом обществе и в социалистической экономике рост непроеизводственной сферы отражает иные процессы, они направлены на восходящее воспроизводство качества человека и качества жизни, или, иными словами, по М.И. Скаржинскому, на реализацию «цели социализма – все более полного удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей народа на основе непрерывного роста и совершенствования общественного воспроизводства» [1, с. 32].

Им предлагается классификация непроеизводственных отраслей, с их делением на 5 групп: (1) первая группа – материально-техническое снабжение и сбыт; заготовки, финансы, кредит, торговля; (2) вторая группа – общественное питание, бытовое обслуживание, дошкольные детские учреждения; (3) третья группа – здравоохранение и просвещение; (4) четвертая группа – наука, искусство, литература, культурное обслуживание; (5) пятая группа – государственное управление, оборона, платные функции в общественных организациях. Каждая из этих групп получает у него полную экономико-теоретическую характеристику [1, с. 36-73].

Особой заслугой М.И. Скаржинского на социалистическом этапе его исследований как ученого-политэконома стала развернутая теоретическая система закономерностей и планирования распределения труда между производственной и непроеизводственной сферами. В ней были раскрыты такие теоретические подсистемы, как «общественный полезный непроеизводительный труд как элемент системы народнохозяйственных пропорций» [1, с. 73-94], проблема единства «баланса труда» и «общественных потребностей» [1, с. 95-100], теория экономического механизма распределения трудовых ресурсов в непроеизводственной сфере социалистического общества [1, с. 100-112].

Особое место в его творчестве советского времени заняла теория труда инженера, которая не потеряла своего значения и для современности. М.И. Скаржинский правильно показал особую роль труда инженера в процессах интенсификации общественного воспроизводства [1, с. 113-114], а я добавлю – особенно на фоне роста интеллектоемкости, наукоемкости, образованиеемкости общественного производства [8]. Данная его теория хорошо фундирована, она опирается на глубокий фундаментальный анализ возрастания роли труда инженера на протяжении истории капитализма и того перелома, который произошел в его воспроизводственной функции в процессе социалистической социальной революции.

В чем произошли изменения?

Во-первых, отвечает М.И. Скаржинский, «инженер, как рабочий, как и любой другой член социалистического общества, является таким же совладельцем принадлежащих всему обществу и находящихся в общественной, государственной собственности средств производства. Поэтому как и всякая рабочая сила в социалистическом обществе, инженерная квалификация не может быть товаром, объектом купли-продажи и эксплуатации».

«Во-вторых, инженерная квалификация в социалистическом обществе не только не товар, но и вообще не является объектом чьей бы то ни было собственности...».

В-третьих, при социализме, вследствие социалистической природы экономических отношений, «акт найма» инженера на работу не существует, поскольку он – совладелец социалистической собственности, и поэтому он «вступает в данный производственный коллектив, чтобы в коллективном труде создавать общественный продукт, часть которого в соответствии с величиной личного трудового вклада инженера поступает в его личное потребление» [1, с. 124].

По Скаржинскому, «инженерная квалификация» – «качественная характеристика рабочей силы инженера», и в этой своей сущности – она есть экономическая категория.

Им прослежена логика участия инженера в научно-техническом прогрессе технологической базы социалистического общественного производства, включая такие разделы, как «инженерная функции в технической подготовке производства», роль инженера в решении экономико-организационных проблем технического прогресса, роль и место инженера в «руководстве технологическим процессом», проблема стимулов инженерного труда, «моделирование инженерной квалификации» как момент планирования развития и повышения качества инженерно-кадрового потенциала социалистической экономики и др. Необходимо отметить, что эта его теория насыщена математическими моделями, позволяющими выстраивать количественные подходы к расчету общественных потребностей в инженерном труде, с учетом его распределения по отраслям общественного производства [1, с. 113-230].

Возникает вопрос: не потеряла ли свое значение эта часть творческого наследия Скаржинского, если советский социализм был ликвидирован в 90-х годах XX века? Мое твердое убеждение – не потеряла. Потому что вне социализма рыночно-капиталистическое человечество, на фоне уже развивающейся первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, обречено на экологическую гибель уже в XXI веке [9].

Поэтому возврат России в своем развитии к социализму XXI века, как и социализму нового качества – к Ноосферному, Экологическому, Духовному Социализму, – только вопрос времени. При этом еще раз подчеркну – это императив XXI века, обращенный и ко всему человечеству.

РЫНОЧНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В ТВОРЧЕСТВЕ М.И. СКАРЖИНСКОГО ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ

Вторая часть научного творчества М.И. Скаржинского отражает коренную смену теоретико-ценностных доминант и понятийной системы его теоретического дискурса, вызванную, в свою очередь, сменой социалистического общественного строя на рыночно-капиталистическую систему, сопровождающейся деиндустриализацией общественного производства России, деинтеллектуализацией кадрового потенциала, ликвидацией общественной собственности и ее приватизацией в основном кучкой олигархов, демонтажом системы планирования, за которыми скрывался ложный постулат, что рынок все отрегулирует, неконкурентные предприятия обанкротит, придаст новые стимулы экономического развития якобы за счет стимулов рыночного выживания (постулат рыночного фундаментализма). Интересен сам по себе факт, что эта рыночно-капиталистическая контрреволюция под видом перехода к «рыночной экономике», которая якобы придаст новый импульс развитию России, осуществлялась при достаточно мощной поддержке академической экономической науки, даже в лице таких видных ученых-экономистов, в прошлом политэкономов-марксистов, как Абалкин, Петраков, Шаталин, Г.Х. Попов, Лившиц, Шмелев и другие.

Революционный переход (а «рыночные реформы» в СССР, а затем в России были «контрреволюцией сверху») от плановой социалистической системы экономики, на базе

общественной собственности, – к рыночно-капиталистической экономике, на базе приватизации общественной собственности по схеме Сакса-Чубайса, сопровождался не менее революционным переходом отечественной экономической науки в самом предмете исследования: от марксистской парадигмы в основах ее построения – к «экономиксово»-институциональной парадигме, с идеалом «свободного рынка» как основы функционирования идеальной рыночной экономической системы.

Эта «теоретико-экономическая революция» не миновала и творчества М.И. Скаржинского.

Он в начале 90-х годов XX века создает цикл научных очерков «Уроки экономики в школе», в которых раскрывает свое обобщение теории рыночной экономики. Он подчеркивает, что:

Первое. «Рынок есть система саморегулирования экономических отношений на основе объективных законов» [1, с. 232], что является спорным само по себе. На то, что рынок не обладает свойством саморегулирования, а, наоборот, свойством неустойчивости, стремится к своему свертыванию вследствие его монополизации, указывали многие видные исследователи, кроме К. Маркса, например – Н. Винер, Дж. Гэлбрейт, Ю. Горский и другие.

Второе. Рынок подчиняется объективным законам – законам понижающейся предельной полезности, возрастания вмененных издержек, спроса, предложения, равновесной цены, денежного обращения и др., которые «автоматически регулируют рыночные отношения между покупателями и продавцами товаров и услуг» [1, с. 232].

Третье. «Для возникновения и развития рыночной экономики нужны шесть основных условий»: (1) «частная собственность на ресурсы и продукты производства»; (2) «свобода предпринимательства и выбора»; (3) «личный интерес как главный мотив поведения человека»; (4) «конкуренция»; (5) опора на систему цен, на рыночные механизмы»; (6) «ограниченная роль государства в экономической жизни» [1, с. 233]. Это служит основанием для выполнения 4-х основных функций рынка – регулирующей (в первую очередь по отношению к объему производства различных благ и услуг, цены, ассортимента и качества продукции), информационной, стимулирующей, санирующей (отбраковка рынком неконкурентоспособных, малоэффективных предприятий) [1, с. 233].

Уже в самой постановке этой мировоззренческой системы, по которой утверждается спорная, подвергавшаяся не раз жесточайшей критике не только со стороны экономической науки, но и со стороны «правды истории» или «онтологической правды» (об исторической критике её писал В.Г. Комаров, которого автор цитировал выше), как мы видим, происходит резкая смена «краеугольных камней» экономического бытия общества: уже не труд является главным двигателем экономического развития, а рынок, со слепым законом спроса и предложения (который критиковал Маркс), и капитал.

Признает это, отличая «слабости рынка», и М.И. Скаржинский, говоря, что «рыночная экономика не гарантирует право на труд», что «ей органически присуще сильное имущественное неравенство людей», что рынок не умеет защищать окружающую среду, регулировать использование природных ресурсов, что рынок не может обеспечивать развитие фундаментальных исследований в науке, что он порождает нестабильность, экономические спады и инфляцию.

И, тем не менее, он присоединяется к спорному выводу, что «за всю историю человечество пока не создало экономической системы более эффективной, чем рыночная экономика» [1, с. 235]. Неужели опыт эффективности советской плановой социалистической экономики так быстро забыт, что о нем даже не следует вспоминать? Разве это не трагедия самой отечественной экономической науки и творчества тех ученых, которые сменили основания экономического мировоззрения, не подвергнув анализу причины и основания такой логики сменяемости?

В «Уроках экономики в школе» М.И. Скаржинский дает 20 «уроков», в том числе, кроме

урока «Общая характеристика рыночной экономики», такие уроки, как «Потребности и ресурсы», «Спрос и предложение», «Издержки, выручка и прибыль», «Конкуренция», «Деньги и денежное обращение», «Банки и кредит», «Предпринимательство и бизнес» и другие [1, с. 232-319].

В «Беседах о переходной экономике России (В помощь учителю средней школы)» М.И. Скаржинский предстает как великодушный дидакт.

Он замечает опасность в рыночной трансформации экономики России по ее превращению на мировом рынке только в «сырьевую экономику» (т.е. в «сырьевой придаток» мировой экономики) и ставит задачу о «прорыве в разряд стран – экономических лидеров – с опорой на имеющийся, требующий сохранения и развития, образовательный, интеллектуальный, творческий потенциал населения» [1, с. 321].

Однако исторический опыт рыночной формы функционирования экономики России за последние 20 лет демонстрирует обратное: рынок стал разрушать этот «образовательный, интеллектуальный, творческий потенциал населения», доставшийся ей в наследие от СССР, наметилась опасная тенденция не только деиндустриализации, которую анализировали С.Ю. Глазьев, М. Делягин, С.Г. Кара-Мурза и др., но и деинтеллектуализации российского общества.

Признавал это и М.И. Скаржинский уже по первым результатам рыночных реформ. Он писал: «Но экономическая реальность в России такова, что ее трудно оценивать как социально-экономический прогресс. Двукратное по сравнению с началом экономических реформ сокращение объемов производства, валового внутреннего продукта, снижение жизненного уровня и даже обнищание значительной части населения, безработица и другие кризисные проявления и экономические невзгоды не компенсируются социально-экономическим выигрышем от полного исчезновения дефицита, очередей, карточек и талонов, от свободы предпринимательства и других достижений экономических реформ» [1, с. 321].

В постсоветский период М.И. Скаржинский уделяет большое внимание «Методике преподавания экономики».

К сожалению, он, подчеркивая различие между политэкономией, преподававшейся в СССР, и предметом экономической науки в парадигме «экономикса» (в первой – ставка на «сущностный анализ экономических отношений», во второй – ставка на раскрытие механизма функционирования рыночной экономики), считает оправданным, в моей трактовке, отказ от экономической онтологии (с поиском ответа на вопрос «что это такое по своей сущности?») и переход на рыночно-экономическую феноменологию и праксиологию (с поиском ответа на вопрос «как она работает?») [1, с. 438]. Фактически за этим положением, которого придерживается в целом западная экономическая мысль, стоит «бегство» буржуазной экономической науки от прогноза К. Маркса и в целом марксизма – об исторически преходящем характере рыночно-капиталистической формации и об исторической необходимости наступления эпохи социализма и коммунизма.

«Заглядывать в сущность» – это и означает познавать онтологическую правду, преодолевать «кажимость», «миражи» онтологической лжи рыночно-капиталистической формы общественного производства, порождающей отчуждение человека труда от средств производства, и вследствие этого – от самого себя, своего исторического предназначения, от воспроизводства самой жизни человека и общества. Подчеркну при этом, что наступившая первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы означает, что онтологическая правда выходит на арену истории и Природа – Биосфера и планета Земля как суперорганизмы – более не собирается терпеть разрушительно-энтропийную форму хозяйственного природопотребления рыночно-капиталистического человека. Человек, оставаясь в иллюзорном, «миражном» пространстве рыночно-капиталистического хозяйствования, может не пережить XXI век, т.е. Природа может его

Отказавшись от политэкономии социализма, М.И. Скаржинский становится на позицию обоснования отказа от ее теоретических конструкций.

В статье «Экономика или политэкономия» он занимает позицию «экономики», подчеркивая, что «расхожим заблуждением приходится считать утверждение, будто современная экономическая наука игнорирует проблемы экономических отношений, а занята исключительно экономическими механизмами» [1, с. 541], приводя как положительный пример современные отечественные учебники Р.М. Нуреева, В.Д. Камаева и других. Главный же его довод: «...вряд ли стоит нам изучать то, что в остальном мире не изучается, снова искать для России свой особый путь и особую, отличающуюся от мировой, экономическую теорию» [1, с. 541]. Правда, сразу же возникает вопрос, а разве марксизм не относится к «мировой, экономической теории», и что: к «мировой, экономической теории» относится только «экономикс» Маршалла, или теория Кейнса, или теория Вальраса и пр.? Что советская политэкономия, все работы советских политэкономов, включая работы советского периода творчества и самого Скаржинского, есть только заблуждение?

М.И. Скаржинский активно работает над теоретическими проблемами экономической науки в рамках уже принятой им новой парадигмы экономической теории, исходящей из постулата саморегулирующей силы рынка. Он поднимает такие проблемы, как «асимметричная информация в трансакционных отношениях собственности» [1, с. 542-548], «роль нефизического капитала в социально-экономическом прогрессе» [1, с. 548-553], проблемы «политической экономии высшего образования» и «классовой идентификации и предмета новой политической экономии» (здесь он развивает линию теории общественного выбора Э. Аткинсона и Д. Стиглица) [1, с. 553-572].

Особое место в творческом наследии постсоветского периода М.И. Скаржинского занимает раздел «Экономические отношения и институты». Здесь поднимаются такие теоретические вопросы, как экономические отношения и институциональная среда, категории социально-экономических институтов, неформальных институтов, институциональных противоречий. Следует отметить, что уже в этой работе он становится на позицию критики рыночного либерализма, в том числе гайдариномики, пренебрежения по отношению к фактору «силы неформальных институтов» [1, с. 579].

М.И. Скаржинский становится на институциональную позицию в определении собственности, собственно говоря, прячущую классовую природу частной собственности на средства производства.

Признавая фундаментальную, системообразующую функцию экономической категории собственности, он ее определяет только через призму экономического отношения присвоения [1, с. 575]: «Собственность есть экономическое отношение присвоения – отчуждения объектов, отношение между людьми, присваивающими ценности, и теми, от кого эти ценности отчуждаются, отношение, формирующее социально-экономическую структуру общества и представляющие ее экономические интересы. Собственность есть в то же время социально-экономический институт...». Им раскрывается связь институциональных противоречий и конфликтов в переходной экономике, делается попытка сформировать представление о «нормально эволюционном развитии социально-экономической системы» в логике институциональной парадигмы [1, с. 575-581]. Данное представление служит базой для построения концепции «институциональных факторов деформации экономических отношений» [1, с. 581-590].

Через институционализм Скаржинский внедряется в проблемы экономической социологии, показывает взаимосвязь качества институциональной среды и качества гражданского общества, ставит проблему бюрократической деформации гражданского общества [1, с. 590-600].

Разгоревшаяся дискуссия вокруг легитимности частной собственности, возникшей в результате приватизации по схеме Сакса – Чубайса, которая спорадически в экономической науке России актуализируется по настоящее время, вызывает свой «ответ» и у Скаржинского в виде работы «Институт частной собственности и ее легитимность» [1, с. 636-643]. Он справедливо замечает: «При отсутствии легитимности или при ее неполноте, недостаточности невозможна и подлинная защита прав собственности – главное в становлении института частной собственности» [1, с. 636].

Но как же можно говорить о легитимности института частной собственности, если она возникла в результате несправедливой, фактически осуществленной под контролем криминальных структур «теневой экономики», возникшей в годы «перестройки» по М.С. Горбачеву, фактически за деньги, не соответствующие истинной цене приватизируемых предприятий, в сотни – тысячи раз, меньше их истинной стоимости, что определило осуществленную приватизацию социалистической собственности как экспроприацию ее у трудового народа, создавшего ее трудом 4-х поколений советских трудящихся.

Скаржинский такого вывода, о котором автор не раз писал в своих работах в 90-х годах XX века, избегает. Но предупреждает: «Нелигитимность собственности сказывается на экономическом поведении ее агентов. Такой собственник неизбежно будет стремиться к извлечению ближайших выгод, мало заботясь о перспективах и инновациях. Неуверенность в будущем, страх потерять приобретенное побуждают к его упрятыванию, в том числе и к выводу капитала за границу страны» [1, с. 636].

Этот теоретический вывод Скаржинского полностью подтвердился ближайшей экономической историей России (1992 – 2014 гг.), отразив не только несправедливый, фискально-спекулятивный и криминальный, характер проведенной приватизации, но и ее неэффективное, грабительское по отношению к трудовому народу, паразитарное содержание, отбросившее Россию в ее историческом развитии на столетие назад, превратившее ее в экономическую колонию глобального империализма (империализма США, Великобритании и Западной Европы).

Скаржинский так, более «мягко», определяет этот процесс: «Еще более сложна проблема признания легитимной в общественном сознании возникшей в результате приватизации частной собственности. Этому препятствует не только менталитет населения, сформировавшийся в предшествующие десятилетия, но и сама специфика российской модели приватизации государственной собственности. Ваучерная приватизация не привела к возникновению массовой частной собственности. Собственность на доходные объекты сконцентрировалась у малочисленной группы крупных и крупнейших владельцев» [1, с. 639].

В 2000-х годах М.И. Скаржинский отдает свою дань методологическим исследованиям в контексте постмодернистского «мейнстрима» в экономической теории, характерного для западной экономической мысли. Его оценка этого направления противоречива, но в целом положительна. Позитив постмодернистского течения экономической научной мысли, как считает он, состоит в том, что оно, это течение, «преодолевают... пограничные столбы» теоретико-экономической рефлексии, заставляет включать в ткань экономического исследования «правовые, психологические и этические аспекты» [1, с. 651].

Он поддерживает методологический плюрализм постмодернистской экономической науки, по сути, вытекающей из принципа методологического индивидуализма, который был введен в методологию экономического познания еще «монетаристами», например – Хайеком.

Фактически такая методолого-плюралистическая или методолого-индивидуалистическая революция в основаниях познания экономической реальности означала одно: отказ от познания законов развития экономики и той «онтологической правды» истории, о которой писал

В.Г. Комаров, что, конечно, не могло не сказаться на потере такой «экономической наукой» своей важнейшей функции – прогностической (предикторной), что и не замедлило проявиться в той неожиданности для большинства экономистов-постмодернистов, с которой разразился мировой финансовый кризис в 2008-2009 году.

В последние годы М.И. Скаржинский поднимал и разрабатывал такие теоретические проблемы, как «институт частной собственности и критерии эффективности», политэкономическая сущность институционального исследования в логике иерархического взаимодействия «индивида», «институционального соглашения» и «институциональной среды», «рутины и инновации» в контексте экономической генетики, институциональные коррекции трудового потенциала, «взаимосвязь социально-экономических организационных и технологических инноваций», «об экономических закономерностях формирования института частной собственности», «бедность как институциональная проблема» и др. [1, с. 644-700].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2014 году, если бы был жив Матвей Исаакович Скаржинский, ему бы исполнилось 90 лет. Он ушел из жизни 11 февраля 2009 года, в год своего 85-летия. В.В. Чекмарев в своем эссе, посвященном памяти М.И. Скаржинского, задался вопросом «Почему традиции существуют веками и тысячелетиями, на чем они держатся?» [5, с. 163]. Ответ лежит в том положении, что память есть онтологическая категория, что любая прогрессивная эволюция, в соответствии с системогенетикой, есть эволюция с нарастающей памятью, эволюция, запоминающая самое себя в каждом акте порождения [6].

М.И. Скаржинский и его научная школа в г. Костроме, в Костромском государственном университете им. Н.А. Некрасова, уже стали частью памяти эволюции советской/ российской экономической науки.

В самом научном творчестве М.И. Скаржинского, в его экономических исследованиях и пристрастиях, отразилась противоречивость исторической эпохи, её драма и её трагедия, в которой он жил и творил как ученый-экономист.

Одновременно он есть, как своеобразная знаковая фигура, «зеркало» той величайшей всемирно-исторической трагедии, которая выразилась в рыночно-капиталистической контрреволюции, в распаде СССР. Эта трагедия перешла в трагедию отечественной экономической науки, запечатлелась в том мировоззренческом и методологическом разломе, которой материализовался в смене ценностей и методолого-познавательных «матриц» в исследовательской логике поведения многих отечественных ученых-экономистов, в том числе и М.И. Скаржинского.

Что проявилось в этой трагедии? Власть кажимостей рыночно-капиталистического бытия, которое уже подвергается онтологической критике не со стороны познающего реальность человеческого Разума в лице того или иного гения, такого масштаба как К. Маркс или В.И. Ленин, а со стороны Ее Величества Природы, уже предъявившей человечеству, его науке и культуре, его коллективному Разуму Ультиматум в виде первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, процессы которой, в условиях рыночно-капиталистической формы хозяйствования, ускоряются в XXI веке. Если перевести язык этого Ультиматума на язык научного прогноза, то он звучит так: или Ноосферный Экологический Социализм в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества, или экологическая гибель в XXI веке.

Это означает, что «мейнстримом» в развитии экономической науки будут не новомодные «постмодернистский курс» или «информационная экономика», а политэкономия ноосферного

социализма, предполагающая в свою очередь политэкономия управляемой социалистической экономики.

В.Г. Комаров писал, обращаясь, очевидно, к искателям научной истины:

«Чтобы выйти из-под власти кажимостей в этом задевающим человеческое самолюбие вопросе, каждому необходимо проделать нечто вроде феноменологической редукции к декартову Ego – субъекту его знаменитого *cogito ezgo sutu*, т.е. попытаться в своем познании отрешиться от всех его уже свершившихся воздействий на наши воззрения и психологические установки и определить свое существование в собственном мышлении. Проще говоря, надо сделать честное усилие освободиться от предвзятостей как группового, коллективного, классового и т.п., так и индивидуального порядка с целью найти некий «угол зрения», «методологическую позицию», такое «расположение разума», которые бы обеспечивали наименее искаженное (наименее замутненное кажимостями) и наиболее адекватное видение процесса космо-био-антропо-социо-ноосферогенеза. Возможно ли это в принципе? Повторюсь: аподиктического ответа нет» [2, с. 147].

Ответ, конечно, есть, но в другой «плоскости», в другой «логике» – в логике истории, которая в начале XXI века вышла из лона своего автономного бытия, о чем поведал глобальный экологический кризис, и перешла в новое качество (если она продолжится) управляемой социоприродной – ноосферной – эволюции.

За этим стоит будущая ноосферная революция в самом бытии науки, общественного интеллекта, а значит – и человечества. И на этом пути, уроки, которые преподала нам история России и человечества последнего двадцатилетия, – необходимое условие ожидаемого качественного скачка в нас самих, в человеке, в нашем разуме и в нашем отношении к природе, Земле, Биосфере, Космосу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скаржинский М.И. Избранные труды/ М.И.Скаржинский, [Текст]. – Кострома: ГОУВПО КГУ имени Н.А.Некрасова, 2005. – 752 с.
2. Комаров В.Г. Правда: онтологическое основание социального разума/ Под ред. д.ф.н., д.э.н. В.Я.Ельмеева/ В.Г.Комаров, [Текст]. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. – 556с.
3. Субетто А.И. Трудовая онтология в системе экономических воззрений М.И. Скаржинского / А.И. Субетто // Экономические институты современной России : материалы науч. конф. памяти М.И. Скаржинского, Кострома, 7 мая 2009 г. / сост. и науч. ред. В.В. Чекмарев. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – С. 488–492.
4. Субетто А.И. Открытое письмо ко всем ученым-экономистам России «Быть России в XXI веке или не быть?»/ А.И.Субетто, [Текст]. – СПб.: Астерион, 2006. – 28с.
5. Чекмарев В.В. Просто вышел покурить.../ В.В.Чекмарев, [Текст]// Экономика образования. – 2014. – №1 – С. 163–164
6. Субетто А.И. Разум и Анти-Разум/ А.И.Субетто, [Текст]. – СПб.: Астерион, 2003. – 148 с.
7. Мартин Г.-П. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию/ Г.-П. Мартин, Х.Шуманн, [Текст]/ Пер. с нем. – М.: Издат. Дом «АЛЬПИНА», 2001. – 335с.
8. Субетто, А.И. Революция в системе экономических знаний и в обществоведении на рубеже третьего тысячелетия: состояние и перспективы / А.И. Субетто // Рыноч. эконом.: состояние, перспективы, методологические разработки. – Самара : Междун. ин-т рынка, 1995. – С. 13–21.

9. Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма/ А.И.Субетто, [Текст]. – СПб. – Кострома: Астерион, КГУ им. Н.А.Некрасова, 2011. – 108с.
- 10.Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1956–1967. – Т. 23. – 1960. – 907 с. (с. 192)
- 11.Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1956–1967. – Т. 26. Ч. 1 – 1962. – 476 с. (с. 405)
- 12.Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1979–1982. – Т. 6 : Январь-август, 1902. – 1979. – 620с. (С. 232)